

# ДОСТОЕВСКІЙ КАКЪ ПСИХОПАТОЛОГЪ.

---

## О Ч Е Р К Ъ .

---

### I.

Ө. М. Достоевскій и критикой, и публикой единогласно считается великимъ мастеромъ въ изображеніи болѣзненныхъ душевныхъ явленій.

Однако до сихъ поръ не сдѣлано ни одной попытки разъяснить эту сторону его художественной дѣятельности и доказать справедливость общественнаго мнѣнія о художникѣ. Зависить такой крупный пробѣлъ, какъ мнѣ кажется, отъ того что въ Россіи очень мало врачей-психіатровъ, да и тѣ, удовлетворяя насущнымъ требованіямъ публики, исключительно заняты практическою дѣятельностью. Другое объясненіе едва ли возможно, такъ какъ въ странахъ съ богатою психіатрическою литературой врачи всегда съ большимъ вниманіемъ относились къ художественнымъ произведеніямъ, если въ нихъ встрѣчались изображенія болѣзненныхъ состояній души. Для примѣра можно указать на обширную литературу о Шекспирѣ какъ психопатологѣ. Едва ли нужно доказывать полезность такого рода изслѣдованій. Было бы странно допустить чтобы люди, посвятившіе себя изученію душевныхъ болѣзней не искали въ работахъ художниковъ мате-

ріала для себя и не дѣлились своими свѣдѣніями съ публикой; естественно что во многихъ отношеніяхъ точные методы изученія психіатровъ позволяютъ имъ болѣе научно изслѣдовать и объяснять матеріалъ даваемый художниками.

Я хочу сдѣлать попытку сгруппировать въ одно цѣлое все, что Достоевскій въ своихъ произведеніяхъ говоритъ о болѣзненныхъ состояніяхъ души и выяснитъ по мѣрѣ силъ насколько его описанія и сужденія согласны съ установленными данными современной психопатологіи. Для большаго удобства въ изложеніи я главнымъ образомъ буду смотрѣть на Достоевскаго не какъ на романиста, а какъ на непосредственнаго описателя дѣйствительности. Слѣдовательно его описанія болѣзненныхъ явленій для меня будутъ какъ бы протоколами имъ видѣннаго; мнѣ такимъ образомъ будетъ необходимо только указать какъ много патологическихъ состояній наблюдалъ Достоевскій, насколько вѣрно и полно онъ описалъ видѣнное и правильно ли объяснилъ. Только по мѣрѣ надобности буду я указывать на вліяніе тѣхъ условій въ которыхъ Достоевскій находился какъ романистъ, а также на группировку и освѣщеніе интересующаго меня матеріала.

Преждевсего обращаетъ вниманіе что Достоевскій описалъ большее количество душевно-больныхъ чѣмъ какой-либо другой художникъ въ мірѣ; ни у кого другаго такъ часто не фигурируютъ въ произведеніяхъ душевно-больные какъ абсолютно, такъ и относительно. Во всей русской художественной литературѣ конечно нельзя насчитать ихъ столько какъ у одного Достоевскаго. Вотъ этотъ длинный списокъ: Голядкинъ (*Двойникъ*), Прохарчинъ (*Господинъ Прохарчинъ*), Ордынцовъ, Муринъ, Катерина (*Хозяйка*), Аркадій Оедровичъ (*Слабое сердце*), Емелюшка (*Честный Воръ*), Авторъ (*Бѣлыя ночи*), Ефимовъ (*Неточка Незванова*), Князь К. (*Дядюшкинъ Сонъ*), Вельчаниновъ (*Вѣрный Мужъ*), Князь Вадбольскій, Нелли (*Униженные и Оскорбленные*), Раскольниковъ, его мать, Свидригайловъ, Мармеладовъ (*Преступленіе*

и *Наказаніе*), Мышкинъ, Иволгинъ, Лебедевъ (*Идіотъ*), Лебидкинъ, его сестра, Лембе, Кирилловъ (*Бъсы*), Старикъ Сокольскій, молодой Сокольскій, Оля (*Подростокъ*), Дмитрій, Иванъ, Алексѣй Карамазовы, Смердяковъ, отецъ Ѳерапонтъ, Лиза Хохлакова (*Братъя Карамазовы*).

Я не привожу здѣсь перечня всѣхъ персонажей въ произведеніяхъ Достоевскаго, такъ какъ весьма трудно провести точную границу между главными и вводными; но всѣхъ лицъ сколько-нибудь очерченныхъ у Достоевскаго едва ли будетъ болѣе ста, такъ что болѣе четверти фигуръ—душевно-больныхъ; такого отношенія нельзя найти ни у кого кромѣ Достоевскаго. Очевидно что Достоевскій съ особенною настойчивостью стремился именно къ изображенію душевно-больныхъ, а не избѣгалъ этого какъ другіе романисты. Художникъ желающій изобразить жизнь возможно полнѣе не можетъ обойти и помѣшательства имѣющаго нѣкоторое мѣсто въ жизни: на тысячу душевно-здоровыхъ приходится три душевно-больныхъ; и понятно что въ той безконечной галереѣ лицъ которыхъ выводитъ предъ нами Шекспиръ должны быть душевно-больные; иначе картина жизни была бы неполна. Въ русской литературѣ можно указать только на одно дѣйствительно правдивое описаніе душевно-больнаго, это въ романѣ *Война и Миръ* старый князь Болконскій; Толстой въ высшей степени вѣрно отмѣтилъ всѣ важные симптомы старческаго слабоумія—болѣзни которою страдалъ Болконскій подъ конецъ жизни. *Записки Сумашедшаго* доказываютъ что Гоголь не зналъ душевныхъ болѣзней или по крайней мѣрѣ имѣлъ лишь весьма неясное понятіе о томъ какъ люди сходятъ съ ума. Болѣе охотно художники изображаютъ отдѣльные симптомы душевныхъ болѣзней для достиженія извѣстныхъ спеціальныхъ цѣлей, напримѣръ, внезапное помѣшательство въ драмахъ усиливаетъ сценическій эффектъ и т. п. Что авторы чаще изображаютъ только отдѣльные болѣзненные симптомы, или вводятъ помѣшательство только анекдотически, это конечно легко объясняется какъ малымъ

ихъ знакомствомъ съ предметомъ, такъ и тѣмъ что гораздо труднѣе дать въ общемъ планѣ разказа опредѣленное мѣсто помѣшанному, дѣйствія котораго, а тѣмъ болѣе ихъ мотивы, не всегда понятны не только профанамъ, но и психіатрамъ, и только великимъ знатокамъ человѣческой души удастся совладать съ такою задачею. И относительно русской литературы мнѣніе Крафта-Эбинга остается вѣрнымъ: «изображеніе помѣшанныхъ въ поэтическихъ произведеніяхъ большею частью невѣрно или по малой мѣрѣ односторонне». Даже описанія отдѣльныхъ припадковъ душевной болѣзни свидѣтельствуютъ или о полномъ незнаніи авторами предмета, или же представляютъ поверхностный очеркъ самыхъ внѣшнихъ, бьющихся въ глаза, проявленій душевной болѣзни, почему нисколько не интересны для психіатра и даютъ публикѣ или ложныя, или крайне смутныя свѣдѣнія о помѣшательствѣ.

Между тѣмъ очевидно что есть область доступная и для художниковъ: это не рѣзко выраженные формы помѣшательства, начальные его фазы, словомъ, состоянія ускользающія обыкновенно отъ психіатровъ, потому что такихъ больныхъ окружающіе часто считаютъ здоровыми; вотъ описанія такихъ субъектовъ, такъ-сказать, ихъ исторіи болѣзни были бы драгоценнымъ матеріаломъ для психіатріи. Но очевидно что наблюденіе и описаніе душевно-больныхъ очень трудно если даже романисты считающіеся хорошими наблюдателями или избѣгаютъ этой темы, или даютъ крайне поверхностное, а по большей части даже невѣрное описаніе. И только психіатры, благодаря тому что гениальные учителя ихъ: Pinel, Esquirol, Guislain, Griesinger и др. научили *какъ* наблюдать, *на что* обращать вниманіе, *чего* искать при изслѣдованіи, могутъ ориентироваться въ такомъ сложномъ явленіи какъ душевная болѣзнь.

Достоевскій какъ въ русской, такъ и во всемірной литературѣ представляетъ исключеніе не только по количеству сдѣланныхъ имъ наблюденій, но и по вѣрности и точности описанія, достойныхъ лучшаго естествоиспытателя (что я по-

стараюсь доказать), и наконецъ по глубинѣ пониманія предмета, возбуждающей изумленіе. Собраніе сочиненій Достоевскаго, это почти полная психопатологія; тамъ можно найти изложеніе всего существеннаго этой науки: многое, очень многое, если не все извѣстное въ психіатріи можно изучить въ произведеніяхъ Достоевскаго, такъ что въ этомъ отношеніи они имѣютъ важное дидактическое значеніе. Конечно, нужна небольшая предварительная подготовка чтобы понимать въ конкретныхъ образахъ выраженные понятія.

Что касается системы изложенія, то я постараюсь слѣдовать пути наиболѣе принятому въ учебной психіатріи: отъ элементарныхъ явленій переходить къ болѣе сложнымъ. Начну съ этиологій душевныхъ болѣзней.

## II.

Въ публикѣ, даже между врачами-неспеціалистами, весьма прочно установилось убѣжденіе что заболѣваніе душевными болѣзнями обусловливается какою-нибудь одною причиною, преимущественно нравственнымъ потрясеніемъ: неудачная любовь, разореніе, смерть близкихъ людей и т. п. Этотъ взглядъ раздѣлялся безусловно всѣми художниками, даже у Шекспира леди Макбетъ сходитъ съ ума вслѣдствіе нравственнаго потрясенія—угрызенія совѣсти.

Одинъ Достоевскій избѣжалъ этой ошибки, и пониманіе имъ причины душевныхъ болѣзней совершенно тождественно съ современнымъ ученіемъ психопатологіи. Какъ безспорный фактъ нужно считать то что въ каждомъ случаѣ помѣшательства дѣйствуетъ цѣлая совокупность причинъ, и сравнительно ничтожную между ними роль играютъ нравственные причины; это повидимому хорошо было извѣстно Достоевскому, по крайней мѣрѣ онъ всегда указываетъ на этотъ фактъ если говорить о причинѣ помѣшательства своихъ героевъ. Но самая существенная, въ высокой степени пре-

обладающая надо всеми остальными, причина есть наследственность.

Учение о наследственности какъ о причинѣ душевныхъ болѣзней составляетъ самое крупное приобрѣтеніе психіатріи за послѣднія тридцать лѣтъ, такъ какъ оно имѣетъ важное значеніе не только для медицины, но и для антропологии, социологии и исторіи. Способность психопатическихъ расположеній и вообще страданій нервной системы передаваться наследственно хотя была извѣстна еще Гиппократу, но только въ недавнее время выяснено что, исключая бугорчатки, ни въ одной патологической области наследственность не имѣетъ такого выдающагося значенія какъ въ душевныхъ болѣзняхъ. Наследственность выражается тѣмъ что отъ психически больныхъ отца или матери рождаются дѣти или уже отъ рожденія психически больныя (Елизавета Смердящая—идіотка, Смердяковъ—эпилептикъ), или совершается только наследственная передача одного предрасположенія къ заболѣванію душевною болѣзнію (мать Ивана Карамазова была истерическая женщина).

Пьянство родителей должно быть также включено въ рядъ наследственно предрасполагающихъ моментовъ; статистика убѣждаетъ насъ что въ общей суммѣ случаевъ помѣшательства пьянство родителей одна изъ самыхъ частыхъ причинъ. Докторъ Клеркъ, при изслѣдованіи причинъ эпилепсіи между арестантами Уэкфильдской тюрьмы, нашелъ что у 68% отцы были пьяницы. Этотъ фактъ отмѣченъ Достоевскимъ вполне обстоятельно; просто удивительно, насколько выводы медицинской статистики и клиническаго опыта согласны съ тѣмъ какъ жизнь представлена Достоевскимъ. Отецъ Елизаветы Ильи былъ пьяница. Дѣти Карамазова—расположенные къ душевнымъ болѣзнямъ люди (*Братья Карамазовы*). Отецъ Алеши и Нелли, князь Вадбольскій (*Униженные и оскорбленные*)—пьяница, и особенно важно что князь, вообще умѣвшій владѣть собой, напивался только на ночь, обстоятельство нерѣдко бывающее; часто врачъ, удивленный появленіемъ цѣ-

лаго ряда случаевъ заболѣванія въ семьѣ, мать и отецъ которой повидимому трезвые люди, только случайно узнаетъ что кто-либо изъ родителей (всего чаще отецъ) имѣетъ пагубную привычку напиваться пьянымъ на ночь. Такъ что не только глубокий алкоголизмъ, то-есть пьянство, разрушившее физическое и психическое здоровье родителей, но и опьянѣніе на ночь, даже и не доведшее организмъ до болѣзни, обуславливаетъ рожденіе психически больныхъ дѣтей. Достоевскій также зналъ что душевная болѣзнь и алкоголизмъ часто бываютъ достояніемъ одной семьи: Лебядкинъ пьяница, его сестра помѣшанная (*Бнсы*). На сколько сильно вліяніе пьянства родителей на физическое и психическое здоровье дѣтей, можетъ служить примѣромъ исторія одной семьи, приводимая Lambroso въ его сочиненіи *Genio et Follia* (1882 года): въ потомствѣ одного пьяницы было 200 воровъ и разбойниковъ, 90 проститутокъ, 30 умерло въ дѣтскомъ возрастѣ и 260 было хилыхъ, слѣпыхъ, чахоточныхъ и т. п.

Наконецъ, порочный образъ жизни родителей также нерѣдко является предрасполагающимъ моментомъ къ наслѣдственному помѣшательству (Карамазовъ и его дѣти). Морель, которому мы обязаны самыми талантливыми изслѣдованіями о наслѣдственности въ этиологіи душевныхъ болѣзней, утверждаетъ что преступный образъ жизни самъ по себѣ располагаетъ къ заболѣванію психозами нисходящее поколѣніе. Оставляя въ сторонѣ какъ теоретическія, психологическія разсужденія о томъ что порочность составляетъ выраженіе нѣкоторыхъ особенностей психической организаціи, такъ и изслѣдованія нѣкоторыхъ ученыхъ (Lambroso и др.) старавшихся доказать что преступники обладаютъ особою *suí generis*, болѣзненною организаціей мозга, упомяну только о томъ что довольно обратить вниманіе на тѣ истощающія условія (бессонныя ночи, пьянство, половыя излишества и т. п.) и постоянные нравственные угнетающіе моменты (смѣна сильныхъ страстей, угрызенія совѣсти, страхъ и т. п.) чтобы понять что вся эта сумма условій вполне достаточна

чтобы дѣйствовать, какъ важный, въ этиологическомъ отношеніи, моментъ. Кромѣ того, доказано предрасполагающее къ помѣшательству вліяніе патологическихъ характеровъ; такъ у нѣкоторыхъ сумасбродныхъ головъ, чудаковъ, нерѣдко дѣти страдаютъ нервными и душевными болѣзнями (у жи Хохлаковой, женщины со страннымъ характеромъ, дочь страдаетъ истеріей. (*Братья Карамазовы*).

Но есть ли какой-нибудь законъ относительно передачи психопатической конституціи со стороны отца и со стороны матери, и извѣстенъ ли онъ былъ Достоевскому? Да; и психіатры и Достоевскій даютъ и на этотъ вопросъ одинаковый отвѣтъ. Конечно, наиболѣе сильно расположены къ заболѣванію тѣ несчастныя дѣти у которыхъ наслѣдственность была и со стороны отца и со стороны матери (Смердяковъ былъ болѣе своихъ братьевъ пораженъ недугомъ). При наслѣдственномъ расположеніи со стороны одного изъ родителей наблюдается чаще всего перекрестная наслѣдственность, то-есть у душевно-больнаго отца—дочь, у матери—сынъ страдаютъ психозомъ. Отецъ Елизаветы Илья пьяница, сынъ Елизаветы эпилептикъ (*Братья Карамазовы*). Мать Раскольниковъ окончила жизнь душевно-больной (*Преступленіе и Наказаніе*). Но если унаслѣдовано только расположеніе къ заболѣванію, то появленіе болѣзни обыкновенно заставляетъ себя ждать до тѣхъ поръ пока другія неблагоприятныя условія, часто сравнительно ничтожныя, окончательно уже сламываютъ унаслѣдованную болѣзненную организацію.

Среди другихъ причинъ душевной болѣзни самыми существенными должны считаться вообще всѣ условія, какъ физическія, такъ и нравственныя, влекущія за собой истощеніе нервной системы. Таковы—пьянство, во первыхъ, потому что алкоголь нервный ядъ, производящій матеріальныя измѣненія въ головномъ мозгу, во вторыхъ, потому что пьянство обыкновенно соединено съ неправильнымъ образомъ жизни. До-

стоевскій неоднократно описывалъ какъ гибельно вліяетъ оно на психическое здоровье.

Къ той же категоріи должно отнести половыя излишества. Условія статьи не позволяютъ здѣсь указать какое значеніе имѣютъ эти эксцессы, какъ причина душевныхъ болѣзней. Но какъ Достоевскій, такъ и психіатры должны бываютъ иногда указать на это излишество какъ на одинъ изъ этиологическихъ моментовъ. Легочная чахотка, какъ болѣзнь хроническая, влекущая за собой сильное истощеніе нервныхъ центровъ, также какъ и продолжительное голоданіе, нерѣдко бываютъ одною изъ причинъ психопатическаго состоянія. (Раскольниковъ, Катерина Ивановна Мармеладова въ *Преступленіи и Наказаніи*).

Душевные волненія несомнѣнно могутъ служить толчкомъ къ проявленію душевной болѣзни. То сильное вліяніе которое оказываютъ аффекты на кровообращеніе и двигательные нервы (блѣдность, оцѣпенѣніе) до извѣстной степени указываетъ намъ какъ сильно могутъ отражаться глубокія душевные волненія на различныхъ мозговыхъ отправленияхъ. Но отсюда до помѣшательства еще далеко. Вѣдь несчастья приходится переносить всякому, съ горя же заболѣваютъ душевною болѣзнію, даже и по мнѣнію публики, лишь немногіе. Конечно, есть случаи когда вслѣдъ за сильнымъ испугомъ почти тотчасъ же развивается психическое расстройство, но это бываетъ крайне рѣдко. У субъектовъ заболѣвающихъ психозами послѣ нравственныхъ потрясеній обыкновенно бываетъ уже значительное предрасположеніе къ заболѣванію (невропатическая конституція, большею частью наследственная). Достоевскій, описывая какъ Аркаша (*Слабое сердце*) заболѣлъ помѣшательствомъ послѣ нравственнаго потрясенія, указалъ на то что Аркаша обладалъ невропатическою организаціей; еслибы не было указано на это обстоятельство, то разказъ *Слабое сердце*, можетъ-быть и замѣчательный въ художественномъ отношеніи, служилъ бы доказательствомъ что авторъ неглубоко наблюдалъ жизнь и

имѣлъ столь же поверхностныя свѣдѣнія о душевныхъ болѣзняхъ какъ и другіе художники. Но Достоевскій и въ этомъ небольшомъ разказѣ (слѣдовательно дающемъ право пропустить подробности) не забылъ упомянуть что Аркаша обладалъ невротическою конституціей, слѣдовательно считалъ это обстоятельство важнымъ, что безспорно доказываетъ какъ вѣрно и глубоко онъ понималъ этиологию душевныхъ болѣзней.

Наблюденіе учитъ, что къ помѣшательству ведутъ только угнетающаго свойства душевныя волненія: горе, усиленныя занятія, недостиженіе извѣстныхъ нравственныхъ стремленій, удары наносимые честолюбію и т. п. (Аркаша, *Слабое сердце*; Голядкинъ, *Двойникъ*; Иванъ Карамазовъ, *Братья Карамазовы* и т. д.). Къ этой же категоріи причинъ должно отнести и тюремное заключеніе. Статистика учитъ что у лицъ содержащихся въ тюрьмѣ помѣшательство наблюдается весьма часто ( $2\frac{1}{2}\%$ — $3\frac{1}{2}\%$ ). Причина этого та что у многихъ преступниковъ есть наслѣдственное предрасположеніе къ помѣшательству, ихъ прежній образъ жизни, угрызеніе совѣсти, страхъ и т. д. Все это вполнѣ обстоятельно указано Достоевскимъ въ сравнительно бѣглой характеристикѣ молодого Сокольскаго (*Подростокъ*), помѣшавшагося въ тюрьмѣ.

Благодаря своему гению, Достоевскій далеко опередилъ науку: въ *Мертвомъ Домѣ* онъ говорилъ что одиночное заключеніе должно убійственно дѣйствовать на психическое здоровье арестантовъ; увлеченіе системой одиночнаго заключенія было еще недавно такъ сильно что до послѣдняго времени никто не высказывался согласно съ Достоевскимъ. Но такъ какъ истина въ концѣ концовъ всегда обнаружится, то уже начали раздаваться пока одинокіе и слабые голоса. Гансенъ, директоръ образцовой одиночной тюрьмы въ Даніи, на тюремномъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ въ 1878 году доказалъ цифрами что процентъ заболѣваемости арестантовъ вообще увеличивается съ возрастаніемъ срока пребыванія въ одиночномъ заключеніи. Такъ между заключенными на два года въ этой тюрьмѣ заболѣло психическимъ разстройствомъ